

Фоменко Е. Г.,

доктор філологічних наук, доцент,
професор кафедри теорії і практики перекладу
Класического приватного університету

АТТРАКТОР ЭПИФАНИЧЕСКОГО СОПРИКОСНОВЕНИЯ В «ПОМИНКАХ ПО ФИННЕГАНУ» ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Аннотация. Статья изучает аттрактор соприкосновения в «Поминках по Финнегану» Джеймса Джойса, который создает ризоморфные образования между всеми его текстами и вводит этот идиостиль в мировой художественный дискурс, прочитываемый сквозь контекст-текст-подтекст писателя.

Ключевые слова: синергия писателя, аттрактор эпифанического соприкосновения, самоподобие, бифуркация.

Постановка проблемы. Лингвосинергетика решает задачи концептуального перевооружения лингвистической теории художественного текста в гармонии гуманитарного и естественнонаучного знания. Лингвосинергетическая методологическая платформа опирается на взаимодействие порядка и хаоса в турбулентных режимах обострения, когда сложные системы трансформируются за порогом устойчивости [2; 3]. Обращаясь к синергии писателя, лингвистическая теория художественного текста обогащается изучением фазовых пространств и переходов, синергетических изломов, эволюционного холизма, нелинейного синтеза и совместной эволюции автора-читателя-текста в рассеянных приращениях смысла.

Актуальность проблемы. Для Ю.А. Данилова «аттрактор – это притягивающее множество в фазовом пространстве; областью притяжения аттрактора является бассейн, или «та часть фазового пространства, из которой траектории стремятся к аттрактору» [1]. В «Поминках по Финнегану» Дж. Джойс утверждает аттрактор эпифанического соприкосновения, сквозной для его идиостиля. Актуальным является рассмотрение бифуркаций, в которых вербализуется джойсовский аттрактор эпифанического соприкосновения.

Цель статьи – выявить основные способы передачи аттрактора эпифанического соприкосновения в «Поминках по Финнегану» Дж. Джойса.

Изложение основного материала. Аттрактор эпифанического соприкосновения создается эффектом ускользания-рассеяния: «What can't be coded can be decoded if an ear sieze what no eye ere grieved for» [4, с. 482.34-36] (наш перевод: *Что не кодируется, то шнуродекодируется, если ухо сдается тому, чему глаз не печалится*). В роли «шнуровки» выступает бифуркация, «**прошнурованное место**». На ускользание-рассеяние указывает еще одна рефлексия Дж. Джойса: «The same anew. Ordovico or vicicordo» [4, с. 215.23]. Здесь говорится о порядке цикличности через метафору «людской бечевки» («vigi» по-итальянски «люди» + «corda» по-итальянски «бечевка» = *порядок Вико или люди-бечевки*). Аттрактор эпифанического соприкосновения наслаивает прочтения, ведь кельтское слово «ord» означает «молот», указывая на племя ордовиков и, вслед за геологом Чарльзом Лапуортом, на ордовикский период, продолжавшийся более сорока миллионов лет. Ордовикский период «шнурует» с циклическим порядком Вико (акцент на эре

людей). Дж. Джойс, таким образом, «прошнуровывает» ордовик («ordovician»), второй период в палеозойской эре, и племя воинственных охотников и скотоводов (лат. ordovices) с циклами Вико. Возможно, что Джойс опирается на свидетельство Тацита о том, что Агрикола уничтожил племя ордовиков; тогда «бечевка» наделяется еще одним смыслом через метафору удешения целого племени. В другом месте «Поминок» находим: «The Vico road goes round and round to meet where terms begin» [4, с. 452.22-23] (дословный перевод: *Улица Вико кружит и кружит для встречи с пределом*). С учетом значения ср.-англ. лексемы «terms» «ограничивающее условие» и значения др.-англ. лексемы «gad» «путешествие», возможно прочтение: *виконианское путешествие накруживает встречу с пределом*. Таким образом, аттрактор эпифанического соприкосновения подводит к событию ВСТРЕЧИ в бифуркациях, метафорой которых могут быть шнуровка и бечевка.

Рассмотрим наиболее употребительные разновидности эпифанического соприкосновения в «Поминках».

1. Соприкосновение фонетико-акустическое – игра созвучиями, создающими двойственности смыслов и звуковые провокации, например «varicoarse veins» [4, с. 214.21]. Ослышка «варикозного расширение вен» содержит графически через вложение «coarse» указание на грубое вздутие вен под кожей. Лексема «coarse» заимствована английским языком в XV веке из латыни, где «cors» означает «обычный». «Вена» интересна Дж. Джойсу как русло для потока (крови и другой жидкости). Слово сочетание «varicoarse veins» употребляется в качестве однородного члена с другим медицинским термином: «Corrigan's pulse and varicoarse veins» [4, с. 214.21]. Пульс Корригена характеризуется быстрым подъемом и спадом пульсовой волны. Д. Корриген (1802–1880) был ирландским врачом, описавшим высокий и скорый пульс (его фамилию Джойс дает в англо-ирландском написании ирландской фамилии O'Corragain). Фамилия врача в ирландском языке обозначает «маленькое копьё», происходя от ирландской лексемы «coig». Фонетико-акустический каламбур позволяет стыковать нестыкуемое, как в «Our four avunculusts» [4, с. 367.14]. Ослышка позволяет легко восстановить предложение «Наши четверо евангелистов», поскольку в искаженной лексеме пропущен лишь один согласный звук. Но в ослышке можно, в свою очередь, восстановить два других слова: avuncular от латинского слова avunculus, которое в английском языке является эвфемизмом ростовщика, и lust («похоть»). Происходит смещение от евангелистов к похотливому ростовщичеству.

Фонетико-акустическое соприкосновение поддерживается созвучием с шаблоном. В «How is that for low, laities and gentlenuns?» [4, с. 177.8] каламбур образуется игрой с клише «леди и джентльмены». Дается установка на паронимию «ladies – laities» через созвучную лексему со значением «мира-

не». Оглушается согласный и дифтонг удлинняется трифтонгом (сюда входят все миряне, мужчины и женщины, или дамы и господа), а словосочетание «великодушные монахини» втискивается в словоформу «джентльмены» с сохранением первой части этого слова. Возможное прочтение: *А как же те, кто низкого происхождения, благородные миряне и великодушные монахини?*

2. Соприкосновение фоническим составом текста (звукопись) строится звуковой выразительностью аллитерации (повторение однородных согласных) и ассонансом (созвучия гласных звуков). Пример аллитерации с подчеркнутым западногерманским удвоением: «Meggy Guggy's giggag» [4, с. 363.36] (возможно, двуколка-мистификация, двуколко-кляп, двуколка-шутка). Аллитерация поддерживается хореем. У Дж. Джойса звуки речи самоценны, а отношение к ним трепетное. Пример паронимической аттракции «Heel trouble and heal travel» [4, с. 620.13] (= *Бей каблук беду и врачуй путешествием*). Панонимическая аттракция может восстанавливаться самим читателем: «And let her rain now if she likes» [4, с. 627.11-12] – омофоны «reign» и «rain» совмещаются в = *И пусть она прavit-дождит, коль нравится*.

Интересен двенадцатикратный анафорический повтор начального слова в последовательности предложений, утверждающих джойсовское понимание субъективной ирландской идентичности: «Be ownkind. Be kithkinish. Be bloodysibby. Be irish. Be inish. Be offalia. Be hamlet. Be the property plot. Be Yorick and Lankystare. Be cool. Be mackinamucks of yourselves. Be finish» [4, с. 465.31-33]. Анафора скрепляет двенадцать предложений. Контрапунктом анафорического «Be» срачиваются словосочетания («ownkind», «lankystare»), устойчивые выражения («kith and kin», знакомые и родственники); сцепляются шекспировские персонажи Офелия (с ослышкой лексемы «fall», грехопадения и названия ирландского графства Offaly), Гамлет и Йорик; содержится аллюзия на папский заговор 1678 года, когда иезуиты хотели поднять католический мятеж в Ирландии и восстановить господство римско-католической церкви; обыгрываются значения лексемы «tuck», важный человек и спящий вокруг, в нечто подобном Мак – клан – важноснующие люди.

3. Соприкосновение просодией. Музыкализация прозы достигается использованием приемов стихосложения. Пример четырехдольного строя с главным акцентом на первой доле и побочным акцентом на четвертой доле: «Lookery looks<...>Mookery mooks» [4, с. 231.34-35]. Ритмическая группа сопровождается аллитерацией и ассонансом, а также обыгрыванием употребительного суффикса -ery. Если в «tookery» прочитать русскую лексему (мука, с ударением на первый слог), то последовательность может выглядеть так: *Привлекательный вид – мучительная мука*.

Пример дактиля (ударный слог и следующие за ним два безударных слога повторяются трижды): «hitherandhithering waters of» [4, с. 216.4-5]. Происходя из протогерманского *hideran, наречие со значением «сюда» при повторе становится причастием настоящего времени и одновременно сложением с лексемой «ging», чем усиливается значение водоворота.

Пример ямбического чередования безударного и ударного слогов: «We'll meet again, we'll part once more. The spot I'll seek if the hour you'll find» [4, с. 215.5-6]: = *Встретимся снова, расстанемся опять. Найду где, коль выделишь час*.

4. Соприкосновение морфологическое обретает формы серийного повтора морфологической части слова или наделение

заимствованного слова морфологическим признаком слова в английском языке. Например, Дж. Джойс использует гомеотелевтон в серийной суффиксации имен существительных: «in the semblance of the substance for the membrane of the umbrance with the remnance of the emblence» [4, с. 220.31-33] (наш дословный перевод: *в подобии субстанции для вспоминания обременения с остатком вставленной части*). Однородность подчеркивается шестикратным определенным артиклем и предлогами, где каждый второй предлог – «of» («in» – «of» – «f of» – «of» – «with» – «of»). Только первые два слова с суффиксом -a(e)nse зафиксированы в словарях. Третье существительное «membrance» усекает имя существительное «remembrance», а четвертое существительное «umbrance» является усечением «encumbrance». Пятое существительное «remnance» является джойсовским новообразованием от старофранцузской лексемы «remanant», образованным по аналогии суффиксации в четырех предшествующих именах существительных. Последнее новообразование «emblence» можно воспринимать, как усечение «semblance» с заменой гласной в суффиксе. Корень слова указывает на родство с существительным «emblem» (др.-греч. ἔμβλημα «вставленная часть»). Дж. Джойс ведет речь о подобии, которое замыкается цепочкой «semblance»- «emblence» (иллюстрация самоподобия через вставленную часть).

Суффиксация используется в «Поминках» для образования индивидуально-авторских слов, как, например, «jilling to windwards» [4, с. 315.23], где направление по отношению к ветру указывается с помощью словообразующего суффикса «-wards». Дж. Джойс расширяет возможности -ing для конверсии разных частей речи: «With a good eastering and a good westering» [4, с. 315.26-27]. В данном примере Джойс соединяет глагольное окончание с согласным звуком, чтобы получить зрительный (графический) повтор ключевого для циклического построения текста слова «ting» («круг, кольцо», возможно, ассоциация с Кольцом Нибелунгов). Аналогичным способом образуется составное слово, которое указывает на брожение сюжетов в «Поминках»: «storywalking around» [4, с. 361.32] = бродячие по кругу (кольцом) истории.

5. Соприкосновение усечением и расщеплением лексем. Расщеплением Джойс создает стилистический эффект, как в «Leap, pard!» [4, с. 483.14]. Разбивая лексему «leopard» со значением «леопард», вычленив тем самым итальянскую лексему со значением «компаньон», Дж. Джойс создает смысл «Прыгай леопардом, компаньон!». Видоизменением гласного звука в «leopard» он вербализует скачок за счет перевода краткого гласного среднего ряда в долгий гласный первого ряда.

6. Соприкосновение сращением лексем. Дж. Джойсу свойственно удалять паузы внутри синтагмы, например: «Forgivemequick, I'm going» [4, с. 215.7] (= *Простименябыстро, я ухожу*). Сращение образуется отменой пробела внутри синтагмы. Сращение может быть образовано внутри ослышки имени, как в «Nero or Nobookisonester himself» [4, с. 177.14]. Имя Nebuchadnezzar (имя Навухоносор означает «Бог Набу, охраняй мои границы») Джойс сращивает в «No-book-is-one-ester» (или «No-book-is-on-ester»). Последняя лексема со значением «эфир» в старых теориях физики указывает на особую среду, наполняющую мировое пространство. В свойственном Дж. Джойсу понимании художественного текста как потока он использует метафору эфира (бесцветной летучей жидкости), возможно, проводя мысль, что ни одна книга не только лишь исчезающее чернило. Он связывает деспота Нерона,

который любил петь и сочинять пьесы и стихи, с Навуходносором, имя которого засвидетельствовано на кирпичях вавилонской башни и прославлено висячими садами. Рефлексия на Эстер, возлюбленную Дж. Свифта, поддерживается ремаркой в парентезе «here perhaps at the vanessance of his lowest» [4, с. 177.16-17], называя еще одну даму Свифта – Ванессу. Тогда в ослышку имени Навуходносора вложен смысл, что нет книги лишь об одной женщине (Эстер) или что любая книга не только об одной женщине (Эстер). Дж. Джойс связывает художественные потуги Нерона с написанием романа, включая их в одно эфемерное пространство воображения. В том же абзаце Дж. Джойс создает ослышки имени У. Шекспира тем же сращением слов, как в «Shakhisbeard» (имеется в виду, очевидно, чандосовский портрет, где человек, которого считают Шекспиром, носит бороду) или «shaggspick» (= shaker of the pick) [4, с. 177.32].

Сращение простым удалением пауз позволяет писателю усиливать эффект кругового движения: «Do tell us all about. As we want to hear allabout. So tellus tellas allabout» [4, с. 101.2-3]. Соединяя неопределенное местоимение с предлогом в третьей вербализации, Дж. Джойс новообразует имя существительное, через которое раскрывает свое понимание повествования как всего о чем-либо.

7. Соприкосновение совмещением лексем образуется вставкой в стандартную словоформу созвучного слова, например: «Saddenly now» [4, с. 363.13] – путем замены гласной в словоформу наречия «suddenly» вставляется корень «sad» для получения новой словоформы со значением «грустно-вдруг». Еще пример: «Enterruption» (FW 332.36). В лексему «interruption» вставляется глагол «enter» с заменой начальной гласной в джойсовском новообразовании (совмещаются значения входа в момент прерывания другого действия).

8. Соприкосновение свертыванием лексем до аббревиатур. Дж. Джойс выдумывает аббревиатуры, которые возводит в статус самостоятельных (лейтмотивных) слов. Например: «Dyb! Dyb! Do your best» [4, с. 480.28-29] (наш перевод: *Сдл! Сдл! Сделай лучшее*).

9. Соприкосновение многоязычием, как в «Only stuprifying yourself! The too friendly friend sort, Mazourikawitch or some other sukinsin of a vitch » [4, с. 437.28-30]. В приведенном примере есть русская вербализация: лексема «мазурик» в родительном падеже (дословно: *карманного вора ведьма*) и «сукин сын» (русская лексема «сын» созвучна английской лексеме «sin» со значением «грех», что восстанавливается в английском тексте как «some other son of a bitch of a bitch»). Русские лексемы подготовлены новообразованием «stuprifying», в котором вычленяются глагол «stuprefy» (притуплять ум или чувство, ошеломлять) и выражение «riff-raff» («шушера, отребье, сброд»).

Русские лексемы могут соприкасаться с англоязычным курсом через грамматические показатели, например:

– артиклезацию: «the izba» [4, с. 335.3] («изба», возможно, полуземлянка), «the skattert» [4, с. 345.18] (в транслитерации Дж. Джойс использует сочетание первых двух согласных в написании, характерном для скандинавских слов), «the welt» [4, с. 336.28] («мир» по-немецки), «a komnate» [4, с. 350.34] (русская лексема «комната»);

– адаптацию иноязычного слова присвоением ему грамматического показателя, характерного для англоязычного слова: «old boyars» [4, с. 48.10] (русская лексема «боярин» получает английское окончание множественного числа);

– совмещение созвучных слов в разных языках фонетическим показателем: «wody» [4, с. 348.12] (русское слово «воды» сближается с английским словом через первую согласную, заимствованную у лексемы «water»).

Соприкосновение многоязычием позволяет Дж. Джойсу создавать триарные индивидуально-авторские словоформы. Например: «droomodose days» [4, с. 351.17] (сохраняя сочетания согласных в русском слове «дрёма» и английских словах «dream» и «drama», Дж. Джойс меняет гласные в их корне). В другой синтагме «In the drema of Sorestost Areas» [4, с. 69.14] совмещаются русская дрема с английскими значениями «сон» и «мечта», сосуществующими в одной словоформе, и литературным жанром «драма». Такая «дремо-сновидно-драматическая» последовательность указывает на синергию как принцип соприкосновения в джойсовском тексте, где роль «дрёмы» выполняют ослышки, «драмы» – интратекстуальность и интертекстуальность, а «мечты» – виденье себя в мировом художественном дискурсе как генератора калейдоскопического художественного мира, в котором динамичен любой составляющий компонент;

– сложение иноязычной и английской лексем для получения нового значения: «Stranaslang» [4, с. 338.22] («страна» + «slang»). Можно думать, что Дж. Джойс использует также паронимическую аттракцию двух русских лексем «страна» и «странный» (= *страны странное наречие*). Аналогично: «Onetwo moremens more» [4, с. 628.5-6] – в ослышку «moments» или «movements» входит латинская лексема «mens» со значением «разум» (возможно, оставшиеся мгновения жизни посвящаются прощальной мудрости, завещанию будущим виконианским циклам);

– сложение лексем из классических языков: «Save me from therrble prongs» [4, с. 628.5] (дословно, с учетом составляющих в новообразовании = Спаси меня от дикозвербродячужасных зубцов). Новообразование «therrble» составлено греческой лексемой «ther» со значением «дикий зверь», английским прилагательным «terrible», корни которого уходят в латинскую лексему «terribilis», и английской лексемой «egg», восходящей к латинской лексеме «eggate» со значением «бродить».

10. Соприкосновение вычленением лексем, как в «this classic Noctuber night» [4, с. 481.28] (наш перевод: *классическая Ноктябрьская ночь*). В средние века ноктюрн был частью католического богослужения, сходного с православной заутреней. У романтиков ночное время, время ноктюрна, связано с проявлением души.

Еще пример: «I'll see you moved farther, blarneying Marcantonio» [4, с. 483.16-17]. Имя Марка Антонио (Marcus Antonius), известного легендарной любовью к Клеопатре, написано слитно, визуально выделяя центр словоформы «canto», что в итальянском означает «пение». Английский глагол «blarney» означает «лесть», т.е. речь идет о ком-то, кто гладко льстит Марку Антонию (Марку Антонию приписывается инициатива казни Цицерона, с одной стороны, и романтическая любовь к Клеопатре, с другой). Но в Ирландии расположен городок Бларни (Blarney), где находится знаменитый камень. По поверью, поцеловав этот камень, человек получает дар красиво льстить (иными словами, Дж. Джойс имеет в виду искусство лести, благословенное камнем в Бларни).

Аналогично используется имя Йоргена Йоргенсена, датского авантюриста, женившегося в Австралии на ирландской ссыльной преступнице: «That's Jorgen Jargonsen» [4, с. 622.33].

Сохраняя написание имени, Дж. Джойс меняет две гласных в фамилии, получая английское слово со значением «жаргон». В ослышке фамилии сохраняется первоначальное написание Йоргенсен, которое ее носитель заменил на Йоргенсон в 1817 году. Дж. Джойс играет на том, что Йоргенсен был любителем эпистолярного жанра.

11. Соприкосновение интертекстуальное. Например, Дж. Джойс обыгрывает имя шекспировского Фальстафа в предложении «Fall stuff» [4, с. 366.30]. Лексема «fall» вербализует грехопадение, т.е. содержится аллюзия на добродушного гуляку Фальстафа, в имени которого Джойсу слышится «греховный материал». Как минимум, в тексте встречаются еще пять ослышек имени Фальстафа: «fraudstuff» [4, с. 7.13], «fool step» [4, с. 370.13], «fell stiff» [4, с. 379.18], «Fill stap» [4, с. 595.32] и «I'm fustfed like fungstif» [4, с. 456.24].

Дж. Джойсу свойственно обыгрывание известных текстов, например, басен Эзопа. В «Ever hear of that foxy, that lupu and monkax and the virgin heir of the Morrisons, eh, blethering ape» [4, с. 192.3-4] вплетается басня Эзопа «Волк и лиса перед судом обезьяны». Суждение обезьяны («Ты, волк, не обворован. Но ты, лисица, – вор. Уж больно ты искусно отпираешься») обобщено ранневоанглийской формой глагола «blether» в значении «молоть чепуху». На Эзопа указывает итальянская лексема «lupo». Косвенное указание на Эзопа-раба содержится в упоминании фамилии Моррисон (Моррис означает «сын слуги девы Марии»), а повтор лексем со значением «обезьяна» указывает на внешность Эзопа, которого изображали с лицом обезьяны.

Интертекстуальное соприкосновение у Дж. Джойса носит характер индивидуально-авторской интерпретации. Например: «Steadyon, Cooლოსus!» [4, с. 625.21-22]. Дж. Джойс вызывает аллюзию на слова шекспировской Клеопатры, обожеествившей Марка Антония, описав его, как колосса: «His legs bestrid the ocean: his rear'd arm crested the world» [6, с. 875]. Удвоение гласных у Дж. Джойса указывает на остывающее (прохладный камень статуи), распадающееся тело (возможно, намек на обломки статуи колосса, пролежавшие в земле тысячу лет). Опущение двойной согласной «s» заметно, когда возникает аллюзия на Клеопатру через потерю («loss») Марка Антония.

12. Соприкосновение синтетическим словом. Для Дж. Джойса синтетическое слово – индивидуально-авторское новообразование, которое он получает соединением двух или более отдельных слов в одну словоформу-ослышку, например: «twolips have pressed togetherthem» [4, с. 15.1-2]. В данном примере соединение «two lips» в «twolips» образует ослышку «тюльпаны». Эта ослышка оправдывает замену гласной в корне «gather». Новообразование, составленное соединением глагола с частицей «to» и личным местоимением, дает проекцию «тюльпаны – собрать их» через «совместное сжимание губ» («together» + «them»). Синтетическое слово вступает в своиственные ему грамматические связи в предложении: Две губы, сжатые вместе, как сорванный тюльпан.

В синтетическом слове и его окружении происходит совмещение смыслов на уровне, как минимум, предложения, например, соединением нескольких слов с конверсией: «But I read in Tobecontinued's tale» [4, с. 626.18] – пассивный инфинитив превращается в имя существительное в притяжательной конструкции. Речь идет не просто о какой-то истории с продолжением, а об истории, которая создана с расчетом на продолжение. Чтобы иметь продолжение, надо быть объединенным темой.

Джойс создает синтетическое слово, очевидно, для названия своего способа письма в «Поминках»: «Epistlemadethemology for deep dorfy doublings» [4, с. 374.17-18] (эпистолярный + сделанный + теология, со вставленной буквой – «темология»). Суффикс синтетического слова -mology проецируется в начало слова, складываясь в «epistemology» (эпистемология, познание + слово). На теологию указывают первые три буквы слова, которыми начинается «эпифания» (для эпифании и эпистемологии «-epi» является общим компонентом, который распространяется и на «epistle»). Дж. Джойс указывает на соприкосновение эпистолярного стиля речи (наличие композиции с сочетанием художественного, публицистического и разговорного стилей), теорию познания и теологическую эпифанию (богоявление). Возможное прочтение: эпистолярно-эпистемологическая эпифания. Правильное написание лексемы «epistle» эксплицирует эпистолярное сочинительство (эпистемология корреспонденции не имеет доступа к внешней реальности), художественное письмо и его политематичность. Аллитерация буквы «d» позволяет восстановить в синтетическом слове греческую лексему «demos» (народ в древней Греции), что сочетается с пояснением «для глубоко укорененных удвоений» (нем. Dorf соответствует др.-англ. Doгр «деревня»), возможно, «для провинциальных дублинских простаков».

Синтетическое слово может быть образовано составной словоформой из субстантивного словосочетания, приравненного к зависимому компоненту притяжательной конструкции: «His door always open. For a newera's day» [4, с. 623.7] (= *дверь его всегда открыта для дня новой эры*). Учитывая большой славянский пласт в «Поминках» и сомнения веры, новообразование можно прочесть как «не-верин день», «день не-веры». Иными словами, новая эра может иметь другие культурные константы или ВЕРУ, в которую вкладывается иной смысл.

13. Музыкализация значений доводится Дж. Джойсом до прямого включения нотного текста, как в случае оперного искусства. Например, вагнеровский «Лоэнгрин» вплетается через ослышку имени Изольды в «Isolamisola» [4, с. 384.31]. Начиная со второго слога, Дж. Джойс перечисляет начальные ноты из арии Лоэнгрин «Mein lieber Schwan!» (нотам соответствуют слова «Мой любимый лебедь, ах!»). Получившаяся ослышка строится нотами, на которые из памяти наслушивается текст оперной арии: *Исольмисольля = Я, мой любимый лебедь, ах!* Лоэнгрин-Вагнер-Джойс разделяют одно: они – экспаты. Джойс не только саморефлексуется на любимую арию, на образ лебедя в англоязычной поэзии, но и заставляет, вместо нот, пропеть вербализацию из оперного текста.

14. Соприкосновение интра-интертекстуальное. Пояним, что мы имеем в виду на примере одного из заключительных предложений в «Поминках»: «If I seen him bearing down on me now under whitespread wings like he'd come from Arkangels» [4, с. 628.10]. Анна Ливия вот-вот растворится в потоке жизни-смерти, поэтому упоминание об архангелах, хотя и с замененным сочетанием согласных «ch» на «k», уместно. В финальном тексте «Мертвые» из «Дублинцев» имена персонажей, Габриэля и Майкла Фюрея, связывают с архангелом Гавриилом, раскрывшего пророку Даниилу тайны будущего, и архангелом Михаилом, старшим посланником Всевышнего, взвешивающего души грешников на Страшном Суде. Отклонение от написания выделяет первые три буквы, из которых складывается лексема «ags» (ковчег, убежище). Предлог «from» является эхом серийных повторов из финала «Мертвых»: «From what

had it proceeded? **From** his aunt's supper, **from** his own foolish speech, **from** the wine and dancing <...>» [5, с. 254]. Эвелин, героиня четвертого текста «Дублинцев», стояла перед водной массой, делая выбор, оказавшись в оцепенении от прыжка в пучину (посадки на корабль): «she prayed God to direct her, to show her what was her duty» [5, с. 42]. Размышление Эвелин «If she went<...>» [5, с. 42] напоминают ход мысли Анны Ливии «If I seen<...>» [4, с. 628.10]. Интра-интертекстуальное соприкосновение должно быть значимым лично для Дж. Джойса, знаковым для него как писателя. Надо искать «веревку», о которой мы говорили выше, и ее мы находим в татарском слове «аркан» (дословно: «сплетенная веревка»). В это «сплетение» Дж. Джойс направляет слова Эллиды из пьесы Ибсена «Женщина с моря». Дж. Джойс скрывает цитату «from Archangel», заменяя две буквы и прибавляя окончание множественного числа, но оставляя предлог и написание с заглавной буквы (в лексему можно вложить, заменив первый слог на согласную, имя супруга Эллиды – Wangel). В последние минуты земной жизни Анна Ливия видит чаек: «Agull. Gulls» [4, с. 628.13], подобно Эллиде Ибсена, говорящей о чайках, и Нине Заречной в «Чайке» Чехова. Читательским откровением становится понимание удивительной цельности Дж. Джойса, соприкасающегося мировой художественный дискурс фрактальностью самоподобия, саморефлексии и саморезонанса.

В интра-интертекстуальном соприкосновении Дж. Джойсу удается достигнуть вершин, через которые раскрывается его ирландская идентичность. В «Двух рыцарях» из «Дублинцев» уличный арфист исполняет мелодию «Моя дорогая Эвелин», которую Томас Мур использовал для своего знаменитого лирического стихотворения «Silent, O Moyle». На последней странице «Поминок» Джойс возвращается к этому тексту через ослышку «миллимили»: «I go back to you, my cold father <...> till the new sight of the mere size of him, the moyles and moyles of it» [4, с. 628.1-3]. В другом месте «Поминок» Джойс обыгрывает первые слова в стихотворении Мура: «and I wound my swan's neck with a school of shells of moyler marine to swing their saysangs in her silents» [4, с. 548.33-34]. Он по-своему описывает кельтскую легенду о дочери Лира, которая в виде лебедя девятьсот лет скиталась на чужбине, пока св. Патрик не окрестил Ирландию.

Сквозь «Улисс» проходит песня Д.Л. Моллоя «Love's Old Sweet Song» («Just a Song at Twilight»), которую на концерте собираются исполнить Молли Блум. Для Леопольда эта песня становится лейтмотивом супружеской измены и примирения. В «Поминках» ослышку названия песни Джойс помещает в самостоятельное односложное предложение: «An oldsteinsong» [4, с. 231.29]. В древнеанглийском второе слово в новообразовании означало «кувшин». Джойс играет на популярности застольной песни, заменяя «sweet» на «stein» (в значении «глиняная кружка» датируется словарем с 1854 года). Приведем несколько строчек из песни: «So till the end when life's dim shadows fall love will be found the sweetest song of all» (возможно, с угасанием жизненных сил, окажется, что слаще песни любви нет ничего). Про такие же сумерки говорит Анна Ливия: «Afortoday, afeartnight, and me as with you in thadark» [4, с. 622.15] – *проходят сегодня, сквозь сумерки-страхи, а я, как с тобой, в темноте*. Элемент «a» в первых двух синтетических словах соответствует предлогам «of» или «on»: «afortoday» = on (of) far from day to day (= проходят, удаляясь, день за днем сегодня). В новообразовании «afeartnight» лексема «fear» исходит из протоиндоевропейского глагольного корня

*per со значением «двигать вперед, сквозь» = on (of) through tonight + fear. У Дж. Джойса двое в темноте, еще не сказавшие слов, что самая сладкая песнь – их любовь день за днем по жизни. Можно сравнить с «We pass through grass behush the bush to. Whish! A gull. Gulls» [4, с. 628.12-13]. Дж. Джойс указывает на движение сквозь траву, приглушенную кустами, по направлению, где в крике чаек Анна Ливия слышит МЕЧТУ (омофоны джойсовское новообразование «whish» и английская лексема германского происхождения «wish»). В круговороте Джойс делает синергичными ЖИЗНЬ-ЛЮБОВЬ-МЕЧТУ.

Выводы. В статье выявлено 14 способов вербализации аттрактора эпифанического соприкосновения (соприкосновение фонетико-акустическое, звукопись, соприкосновение просодией, соприкосновение морфологическое, соприкосновение усечением, расщеплением, сращением и совмещением лексем, соприкосновение многоязычием, соприкосновение вычленением лексем, соприкосновение интертекстуальное, соприкосновение синтетическим словом, музыкализация значений и соприкосновение интра-текстуальное) в бифуркациях «Поминок по Финнегану» Дж. Джойса. Бифуркации Дж. Джойса строятся одновременностью значений, которые соприкасаются ускользанием-рассеянием с конкретным текстом, идиостилем Дж. Джойса, мировым художественным дискурсом в ризоморфности контекста-текста-подтекста.

Перспективным является дальнейшее изучение глобализации художественного дискурса в циркуляциях хаоса и порядка.

Литература:

1. Данилов Ю.А. Синергетика / Ю.А. Данилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_748.htm.
2. Пихтовникова Л.С. Лингвосинергетика: основы и очерк направлений: [монография] / [Л.С. Пихтовникова]. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2012. – 180 с.
3. Пихтовникова Л.С. Основные положения и понятия синергетики в применении к филологии. Базовые и инструментальные понятия синергетики / Л.С. Пихтовникова // Синергетика в филологических исследованиях. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. – С. 7-19.

Источники литературных произведений:

4. Joyce J. Finnegans Wake / J. Joyce. – L. : Penguin, 1992. – 628 p.
5. Joyce J. Dubliners / J. Joyce. – L. : Penguin, 1996. – 256 p.
6. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare / W. Shakespeare. – L. : Book Club Associates, 1977. – 1229 p.

Фоменко О. Г. Аттрактор епіфанічного зіткнення в «Поминках по Фіннегану» Джеймса Джойса

Анотація. Стаття вивчає аттрактор ЗІТКНЕННЯ у «Поминках по Фіннегану» Джеймса Джойса, який створює ризоморфні утворення між усіма його текстами та вводить цей ідіостиль у світовий художній дискурс, що прочитується крізь контекст-текст-підтекст письменника.

Ключові слова: синергія письменника, аттрактор епіфанічного зіткнення, самоподібне, бифуркація.

Fomenko E. Attractor of epiphanic togetherness in "Finnegans Wake" by James Joyce

Summary. The article explores the attractor of epiphanic togetherness in "Finnegans Wake" by James Joyce, which builds rhyzomorphic structures within his entire idiostyle and integrates it into the world of fictional discourse that is read through Joyce's context-text-subtext.

Key words: writer's synergy, attractor of epiphanic togetherness, self-identity, bifurcation.